

DOI 10.17150/978-5-7253-3124-0.06
УДК 930
ББК 63г

Д.Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ

**ИВАН ПРОКОФЬЕВИЧ ШАРАПОВ (1907–1996)
КАК ИСТОРИК, или О ГЕОЛОГЕ,
НАШЕДШЕМ ЗОЛОТО В АРХИВЕ**

Статья реконструирует историю исследовательского проекта, предпринятого геологом треста «Лензолото» Иваном Прокофьевичем Шараповым (1907–1996) в 1943–1948 гг., одним из результатов которого стал выход в свет «Очерков по истории Ленских золотых приисков» (1949). Проект рассматривается как часть местного историографического феномена позднесталинской эпохи – обращения к изучению прошлого неисториков по специальности и роду деятельности, а также выхода в свет их трудов, задававших тон в местном научно-историческом книгоиздании послевоенного десятилетия. Особое внимание уделяется составляющей проекта, получившей название «истории разведок» и включающей тесно связанные между собой исторически-событийную и геологически-содержательную компоненты. Информация, содержащаяся в свидетельствах о разведочных работах (в их планах, журналах геологического опробования, дневниках разведки, книгах заявок, межевых журналах) и отложившаяся в архиве «Лензолото» за сто

лет, позволила, с одной стороны, достаточно детально и полно реконструировать процесс развития золотого промысла на Лене, а с другой – выявить новые участки для постановки разведочных работ, установить неотработанные участки, и, благодаря новым подсчетам запасов на считавшихся отработанными старых приисках, открыть богатые россыпи.

Ключевые слова: Золотодобыча, идеологические кампании, историография, история науки, история разведок, Лензолото, позднесталинская эпоха, Шарапов И.П.

D. YA. MAIDACHEVSKY

IVAN PROKOFIEVICH SHARAPOV (1907–1996) AS A HISTORIAN, or ABOUT THE GEOLOGIST WHO FOUND GOLD IN THE ARCHIVE

The article reconstructs the history of the research project, which was undertaken by the geologist of the trust “Lenzoloto” Ivan Prokofievich Sharapov (1907–1996) in 1943–1948, one of the results of which was the publication of “Essays on the history of the Lena gold mines” (1949). The project is considered as part of a local historiographic phenomenon of the late Stalin era – appeals to the study of the past of non-historians by specialty and occupation, and also the publication of their works, which set the tone in the local scientific historical book publishing of the post-war decade. Special attention is given to the project component, called the “history of intelligence” and including closely related historical-event and geologically meaningful components. The information contained in evidence of exploration work (in their plans, journals geological sampling, exploration diaries, order books, boundary magazines), deposited in the Lenzoloto archive for a hundred years, allowed, on the one hand, to reconstruct the process in sufficient detail and fully reconstruct the process of the development of the gold mine on the Lena, and, on the other hand, to identify new areas for setting up exploration works, identify undeveloped areas, and, thanks to new estimates of reserves on old ones that were considered exhausted mines, discover rich placers.

Keywords: Gold mining, ideological campaigns, historiography, history of science, history of intelligence, Lenzoloto, post-Stalin era, Sharapov I.P.

В заключительной статье цикла публикаций, посвященных научной биографии В.Н. Шерстобоева [1], внимание автора привлечен местный историографический феномен позднесталинской эпохи – обращения к социальной истории (в широком ее понимании) неисториков по специальности и роду деятельности, а также выхода в свет их трудов, задававших тон в местном научно-историческом книгоиздании послевоенного десятилетия. Указанный феномен автор счел результатом

инициированного войной процесса сциентизации общества и науки, на местном уровне нашедшего воплощение в создании или возобновлении деятельности ряда общественно-научных организаций (отделений общества «Знание» и географического общества), проведении масштабной научной конференции под эгидой Академии наук СССР, начале процесса формирования в городе регионального филиала последней (академического сектора науки) и т.д. Процесс этот не мог не затронуть и социогуманитарного сегмента местной науки, в силу чего вторжение неисториков на предметное поле истории, обращение к прошлому с позиций специального знания рассматривалось формой борьбы против позитивистской «каталогизации» фактов, описательности, избыточной политизации и идеологизации исторического знания, способом приведения – в границы возможного – исторического знания в соответствие со стандартами естественных или технических наук.

Стоит указать и еще на одну сторону процесса сциентизации, немало способствовавшую обращению далеких от занятий историей специалистов-естественников и «технарей» к прошлому и, прежде всего, к такой его области как научно-техническое развитие. За точку отсчета широкого историко-научного движения в стране можно, хотя и весьма условно, взять состоявшуюся в июне 1944 г. в Московском государственном университете масштабную научную конференцию «Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры», широкое празднование 220-летия Академии наук СССР в июне 1945 г. и состоявшееся в том же году воссоздание в структуре академии Института истории естествознания. Апофеозом движения стало, вне всякого сомнения, Общее собрание Академии наук, прошедшее 5–11 января 1949 г. и посвященное истории отечественной науки. Мероприятие примечательное с точки зрения предпринятого нами исследования прежде всего тем, что устами Президента АН СССР С.И. Вавилова фактически давало установку ученым-естественникам не просто уделять больше внимания историко-научной компоненте своих областей знания, но делать это методологически и идеологически грамотно. Говоря современным историко-научным языком, не довольствуясь интерналистской по своей природе историей идей, созданием жизнеописаний или реконструкцией хотя и важных, но изолированных научных событий, помещать последние в более широкий исторический контекст, позволяющий связать логику науки с логикой истории [2, с. 10-11].

Установки эти были во многом обусловлены тем, что историко-научное движение стало частью «патриотической кампании» (как, на наш взгляд, более точно можно именовать кампанию «борьбы с низкопоклонством», отделяя ее и содержательно и хронологически от «борьбы с космополитизмом», в тени которой она невольно или преднаме-

ренно оказалась), со всеми негативными и позитивными для движения последствиями. И одним из таких безусловно позитивных последствий стало обращение к историко-научным сюжетам в областях своей научной специализации, итогом которого стало появление самостоятельных научных или научно-популярных публикаций, исследователей не только столичных центров, связанных с комиссиями по истории физики, математики, химии, биологии, геолого-географических наук и др., существовавшими при соответствующих отделениях Академии наук, или с Институтом истории естествознания, но широкого круга провинциальных ученых-естественников. Безусловно, подавляющая часть таких обращений носила случайный, кампанейский характер и ни в малой степени не реализовала указанных установок (типичный пример: публикация фундаментальной монографии профессора-почвоведца Иркутского университета И.В. Николаева «Почвы Иркутской области» (Иркутск, 1949. 404 с.) сопровождалась выходом в свет научно-популярной историко-научной брошюры «Русская наука о почве» (Иркутск, 1949. 36 с.)). Тем отраднее рождение на этом фоне упомянутого выше историографического феномена, связанного с деятельностью исследователей, вышедших за узкие рамки историко-научных рассмотрений и обратившихся к изучению не только научно-технического, но и социально-экономического развития региона.

К числу таких «неисториков» мы отнесли: кандидата сельскохозяйственных наук, экономиста и агронома по образованию В.Н. Шерстобова, доктора биологических наук В.Н. Скалона, в те годы еще кандидата, но впоследствии получившего степень доктора географических наук В.В. Покшишевского, однако, в центре внимания данной статьи окажется геолог Иван Прокофьевич Шарапов (1907–1996), автор «Очерков по истории Ленских золотых приисков» (1949), и его непростой, впрочем, как и у каждого из перечисленных исследователей, путь к историческим студиям¹.

Как и в случае с первым томом «Илимской пашни» В.Н. Шерстобова, увидевшим свет в том же году, книга Шарапова обратила на себя

---

¹Мы не останавливаемся на биографии героя статьи, отсылая читателей к его, по существу, автобиографической книге [3], к биографическим материалам на сайте Сахаровского центра (признан в РФ иностранным агентом). – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=author&i=1252>, где выложена эта книга, изданная за счет средств автора, а также к публикациям о И.П. Шарапове, подготовленным большей частью на основании этих материалов [4; 5]. Для целей нашего исследования следует упомянуть, пожалуй, только о том, что окончивший в 1934 г. горно-геологический факультет Средне-Азиатского промышленного института с дипломом инженера-геолога И.П. Шарапов принимал участие в работе Таджикско-Памирской экспедиции (1934-1937 гг.), руководил работой Полярно-Уральской (1938-1942 гг.), а весной 1942 г. был направлен на Дальне-Тайгинский разведочно-промышленный прииск треста «Золоторазведка».

внимание автора обзора изучения местной истории в СССР в послевоенные годы В.К. Яцунского. Внимание историографа также привлек неисторический характер профессиональных занятий автора, который и обусловил ряд несомненных, с его точки зрения, достоинств работы: «Производственная подготовка и опыт автора в соединении с личными впечатлениями от объезда приисков и рассказами старожилов позволили ему дать живую историческую картину жизни приисков в дореволюционный период» [6, с. 82]. С точки зрения предпринятого нами исследования, куда больший интерес представляет, однако, небезынтесная попытка Яцунского, опираясь на авторское предисловие к книге, выстроить логику обращения «неисторика» к прошлому. Схематически ее можно представить в виде сменяющих друг друга этапов: геологические исследования золотых россыпей в районе Лены → потребность в обращении к архивным материалам в поисках информации о прежних разведках → пробуждение в ходе архивных разысканий интереса к историческому прошлому Ленских золотых приисков → составление очерка их истории [там же]. Воспользуемся приведенной схемой с целью реконструкции предпринятого И.П. Шараповым исследовательского проекта, определив хронологические рамки ее этапов и наполнив последние конкретным историографическим материалом, а в ряде случаев – внеся некоторые коррективы в их содержание.

Уже обращение к первому из этих этапов вызывает потребность в подобных содержательных коррективах. Следование историко-научному (а не историко-мыслительному) подходу в историографии и рассмотрение предложенной В.К. Яцунским модели как последовательности взаимосвязанных стадий единого исследовательского проекта, заставляют предпослать его (первого этапа) историографической характеристике описание программ, формулирующих решаемые задачи и задающих способы (методы и средства) получения – в данном случае геологического – знания. Особой сложности создание такого описания не представляет, хотя бы потому, что И.П. Шарапов в своей книге со всей определенностью и неоднократно указывает на основной источник своего «геологического вдохновения»: начиная с предваряющего ее посвящения «лучшему другу и учителю молодых сибирских геологов Герою Социалистического Труда Владимиру Афанасьевичу Обручеву» и завершая благодарностью «за ценные советы и указания, полученные от него при [ее] составлении» [7, с. 2, 6]².

---

²К сожалению, нам не удалось обнаружить следов переписки И.П. Шарапова с известным ученым или свидетельств об иных их научных контактах в опубликованной части эпистолярного наследия последнего [8]. Это вполне объяснимо тем, что подготовка и издание избранных трудов академика В.А. Обручева пришлось на годы преследования И.П. Шарапова по политическим мотивам, его ареста и лишения свободы по ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР (антисоветская агитация) с поражением избирательных прав на три года и запрещением занимать преподавательские должности в течение пяти лет. Освобожденный в августе 1961 г., он был реабилитирован лишь в 1989 г. [4, с. 174].

Приведенные слова, которые могли быть произнесены или написаны значительным числом советских геологов, искренне полагававших Обручева своим учителем, отнюдь не носили ритуального характера. Статья В.А. Обручева «Запасы золота в отвалах приисков и возможность их извлечения», опубликованная в 1942 г. на страницах академического геологического журнала [9] (стоит упомянуть и ее научно-популярную версию – «Вероятные запасы золота в россыпях и отвалах приисков», появившуюся на страницах журнала «Природа» год спустя [10]), стала фактически программным документом предпринятого Шараповым исследовательского проекта, определившим его цель и задачи, а также заставившим выработать уже собственные программы, задающие методы и средства получения знания, так называемые методические (построения знания с указанием необходимых процедур) и методологические (носящие эвристический характер) программы исследования.

Вызванная к жизни войной, потребовавшей «...огромных расходов, к которым присоединятся большие расходы по восстановлению селений, городов и промышленных предприятий в опустошенной немцами части СССР», а стало быть обусловила «срочную необходимость усиления добычи драгоценных металлов» [9, с. 535], программа нацеливала учреждения, ведающие добычей, на использование запасов золота, имеющих в отвалах действующих и оставленных приисков, что требует много меньших затрат по сравнению с открытием, разведкой и подготовкой к эксплуатации новых месторождений. Программа подводила под решение проблемы прочное эмпирическое и теоретическое основание, оставляя за приисковыми геологическими службами, коим надлежало поставить систематическое опробование отвалов для выяснения содержания в них золота, выбор приемов последнего «в зависимости от имеющихся данных о составе золотоносного пласта и его вероятном генезисе» [там же].

Никаких сомнений в следовании И.П. Шарапова данной программе проблематизации знания не оставляет содержание пятой главы его книги, озаглавленной «Геологические исследования Лены». В идейном отношении результаты этих многолетних изучений достигли вершины именно благодаря работам В.А. Обручева, находя у других лишь свое подтверждение или развитие. Будучи сведены воедино в виде последовательности, отражающей вероятный генезис золотоносного пласта, они венчались выводом не только об огромных перспективах «открытия новых россыпей», но и «увеличения разведанных запасов в старых россыпях» [7, с. 42-43]. Более того, автор стремится внести свой вклад в теоретическое обоснование построений В.А. Обручева и сделанных им выводов, опубликовав на страницах главы выдержки из обнаруженных им в архиве треста Лензолота фрагменты черновиков писем гор-

ного инженера Алексея Петровича Карпинского (брата Александра Петровича Карпинского – будущего директора Геологического комитета и Президента Российской академии наук), откомандированного в 1875 г. в распоряжение Ленского золотопромышленного товарищества. В письмах не только присутствует указание на бессистемность проводимых прежде разведок, стремление экспедиций открыть богатую россыпь в ущерб тщательности геологических изучений (что станет, по мнению Шарапова, одной из составляющих «хищничества»), но и впервые были высказаны идеи о генезисе золотоносного пласта, которые впоследствии станут мейнстримом [7, с. 39-41].

По всей видимости, далеко не все специалисты разделяли указанные взгляды и поддерживали подобные подходы. В своей статье, озаглавленной «Русская жемчужина» и появившейся на страницах областной газеты «Восточная правда» в апреле 1943 г., ее автор – начальник Дальне-Тайгинского разведочно-промышленного прииска треста Золоторазведка Т. Уральский, признавая заслуги трудов В.А. Обручева для геологоразведки, подчеркнул скорее фундаментальный, нежели прикладной характер работ последнего, и указал на факт их производства 40 лет назад как на один из примеров заметного отставания «геологических работ от возросших масштабов производства» [11], поставившего на повестку дня проблему недостаточности сырьевой базы. Среди же путей решения указанной проблемы на первое место им ставились поиск и разведка глубоко залегающих россыпей доледникового происхождения и куда меньшее внимание уделялось изучению и разведке золотоносных кварцевых жил как источников мелкозалегающих россыпей: «... найденные до сих пор жилы недостаточно рентабельны для постановки на них добычных работ» [там же].

Указанная статья примечательна с точки зрения нашего исследования и в других отношениях. И, прежде всего, фактом своего появления в период, когда главный его герой – И.П. Шарапов – работал на Дальне-тайгинском прииске, руководя там разведкой. Он написал впоследствии в своей носящей характер воспоминаний книге (и, что примечательно, в разделе, озаглавленном «Борьба с хищничеством на золотых приисках»): «В апреле 1943 г. меня назначили начальником геолого-поисковой экспедиции на реке Токко (система Олёкмы) в Якутии (в двухстах километрах к востоку от Дальне-Тайгинского прииска). Летом 1943 г. я обследовал большую территорию, убедился в том, что золота там нет, но есть кое-что другое и интересные в научном отношении обнажения. До меня там никто из геологов не был. Зимой 1943-1944 гг., отправив большинство сотрудников в Дальнюю Тайгу, я задержался в эвенкийском поселке Пос (промыслово-охотничья станция), где привел в порядок геологические материалы...» [3, с. 18-19]. Нетрудно заметить, что

результаты этой экспедиции не оправдали ожиданий автора статьи (и начальника прииска), связанных с «геологическим изучением новых отдаленных районов рек Токко, Большого Патомы и других объектов» на предмет поиска перспективной «сырьевой базы для организации рудной золотодобычи» [11]. Поэтому, думается, не случайно в 1944 г. И.П. Шараров оказался уже в Бодайбо, где возглавил группу по подсчету запасов геологоразведочного отдела треста «Лензолото», вступив, тем самым, на путь реализации программы, начертанной В.А. Обручевым.

Отметим также и тот факт, что статья Т. Уральского несет на себе очевидный отпечаток «внутриведомственного» противостояния, участниками которого выступили тресты «Лензолото» и «Золоторазведка», а точнее – Дальнетайгинский разведочно-промышленный прииск последнего, руководитель которого и не скрывал далеко идущих планов создания «на базе дальне-тайгинских россыпей самостоятельного золотодобычного треста с солидной программой эксплуатационных работ. Сейчас ведется оформление геологической документации и подсчет запасов для утверждения их во всеююзной комиссии по запасам при Комитете по делам геологии СНК СССР» [11]. На тот же путь – «подсчета запасов по всему тресту» – встало и «Лензолото», привлекшее для этой цели И.П. Шарарова, группа которого затратила на ее достижение, по его словам, три года: «Без утверждения ГКЗ (Государственной комиссией по запасам. – Д.М.) запасов золота прииски не имеют права работать, поэтому руководители треста ожидали от нас особо ценных результатов, и мы сами горячо стремились к этому» [3, с. 19]. (В известном смысле можно сказать, что предложенные ее руководителем «новые пути в разведке и оценке золотых россыпей», станут конкурентным преимуществом «Лензолота» на данном этапе (в 1946 г. прииск Дальне-Тайгинский будет передан ему из треста «Золоторазведка»), хотя и дорого обойдутся их автору.)

В связи с рассматриваемой статьей Т. Уральского особого упоминания заслуживает, однако, тот факт, что в указанном противостоянии в качестве одного из его инструментов выступила история: само появление статьи на страницах областной газеты (за две недели до официальных «торжеств») было приурочено к 100-летию «открытия золота в бассейне р. Лены», как значилось в первых ее строках. Весь пафос «исторической», большей по объему части статьи сводился к стремлению представить «колыбелью» Ленского золотопромышленного района верховья реки Олёкмы: открытие (1843 г.) и начало разработки (1846 г.) месторождений золота связывалось с северо-восточной частью Бодайбинского района, с территорией, «входящей ныне в состав Дальне-Тайгинского разведочно-промышленного прииска». С этим же районом у читателя, по замыслу автора статьи, должно было ассоциироваться и будущее

золотопромышленного района, «расширение границы старого Ленского бассейна» [11].

100-летие Ленских золотых приисков, выпавшее на переломный 1943 г. войны, ожидаемо не вызвало масштабных торжеств. Областная газета в «праздничный день» лишь поместила на первой полосе рядом со своим названием информацию об отмечаемом «сегодня» столетии Ленских золотых приисков, сопроводив ее большевистским приветом «горнякам и горнячкам, инженерам, техникам и служащим социалистической Лены, самоотверженным трудом, укрепляющим оборонную мощь любимой Родины!» и призывом: дальнейшим увеличением золотодобычи ускорить «разгром немецко-фашистских разбойников!». Передовая статья газеты, озаглавленная «Знаменательная дата», упомянув о 100-летнем юбилее, сосредоточилась на основном событии, отмечаемом 17 апреля – 31-й годовщине Ленского расстрела [12]. Боевым революционным традициям отцов и боевым задачам нынешнего поколения ленских горняков посвятили свои статьи на страницах номера секретарь Бодайбинского райкома ВКП(б) и управляющий трестом «Лензолото».

Областной газете вторила и районная – «Ленский шахтер», более точно, впрочем, озаглавившая в этот день свою передовую – «Знаменательные даты» [13]. Помимо приветствий и поздравлений (среди последних стоит назвать полученные горняками Лены от коллективов Иркутского и Ленинградского горного институтов), 100-летний юбилей вызвал к жизни и одно заслуживающее упоминания мероприятие. На юбилейную дату откликнулась иркутская университетская наука: в большой аудитории государственного университета прошла сессия, посвященная столетию Ленских приисков. Обращают на себя внимание не только и не столько прозвучавшие на ней доклады историков М.А. Гудошникова «Столетие Ленских приисков» и Ф.А. Кудрявцева «Ленский расстрел», а также геолога С.С. Смирнова – чл. корр. АН СССР (в том же году избранного в действительные члены академии), находившегося в Иркутске в эвакуации и работавшего в университете «Ленские золотые месторождения», сколько факт научной легитимизации 1843 г. как года «открытия» Ленских золотых россыпей, а 17 апреля (дня Ленского расстрела 1912 г.) как даты, к которой должно быть приурочено это событие [14]. Однако, пройдет всего лишь три года, и страна будет вновь отмечать 100-летие открытия Ленского золота. Именно эти годы вместят в себя основные события исследовательского проекта И.П. Шарапова, имевшего помимо прочих, сугубо профессиональных – геологических, еще и историческую составляющую, с ними непосредственно связанную.

На связь эту И.П. Шарапов указал в начале своей книги, где в перечне основных ее сюжетных линий (проблемных областей) предпослал «истории техники» и «истории рабочего движения» еще и «историю раз-

ведок», прежде и больше всего интересовавшую исследователя [7, с. 4]. Помимо череды событий, окружавших поиск и обнаружение месторождений, перечня лиц, принимавших в них непосредственное участие или персонифицировавших капитал для этих целей задействованный (что само по себе представляет немалый исторический интерес), история разведок – это и проведенные некогда целые комплексы геолого-разведочных работ и полученная в их ходе преимущественно специальная информация, включающая сведения о геологическом строении месторождений, закономерностях пространственного их расположения, условиях залегания, количестве и качестве сырья, его технологических свойствах и факторах, определяющих последующую эксплуатацию месторождения.

Разведочная информация, содержащаяся в свидетельствах об этих геологоразведочных работах (в их планах, журналах геологического опробования, дневниках разведки, книгах заявок, межевых журналах) и отложившаяся в архивах треста «Лензолото», Бодайбинской химической лаборатории и ряда других местных организаций, в соответствии с исследовательской программой, нацеленной на использование запасов золота, имеющихся в отвалах действующих и оставленных приисков, легла в основу реализации уникальной методологической подпрограммы последней – архивных разысканий группы по подсчету запасов геолого-разведочного отдела «Лензолото» под руководством И.П. Шарапова.

Последние имели, как уже отмечалось, самостоятельное – «историческое» – значение, позволяя установить время открытия тех или иных россыпей (месторождений) и приисков, имена их первооткрывателей-«золотознатцев» и хозяев, и шире – увидеть и реконструировать процесс развития золотого промысла на Лене (привлекая для этого, по замечанию И.П. Шарапова, в дополнение к архивным сведениям, разбросанные по публикациям не столько в специально-исторических, сколько в геологических, горнотехнических, экономических и статистических изданиях [7, с. 6]). Частью этой работы стало, имевшее принципиальное значение в период вышеупомянутого противостояния, уточнение «истоков» – места и времени рождения Золотой Лены. Не отрицая факта открытия золота в верхней части бассейна р. Олёкмы (притока Лены) в 1843 г., регистрации 9-10 апреля того года первых заявок, межевания участков и начала в 1843-1844 гг. приисковой добычи золота, исследование настаивало на том, чтобы взять за точку отсчета 1846 г. и обнаружение золотых россыпей в верховьях р. Хомолхо (протекающей по территории (будущего) Бодайбинского района) партиями, снаряженными иркутским купцом 1-й гильдии К.П. Трапезниковым и действительным статским советником К.Г. Репинским. Зарегистрированные 7 (19 по н. ст.) сентября 1846 г. заявки, дали начало первым двум первым приискам Лены – Спасскому и Вознесенскому.

Современность властно врывается в систему доказательств такого выбора: «Золотые россыпи верховьев Олёкмы ныне входят в район деятельности треста Верхамурзолото. От города Бодайбо они удалены, примерно, также, как и Алданские россыпи. Около ста лет назад (1852 г.) Верхне-Олёкминские россыпи принадлежали Якутской области, в которую входила, между прочим, как территория реки Бодайбо, так и территория реки Алдан. В старинной горной статистике Верхне-Олёкминские прииски записаны по тому же горному округу, что и россыпи реки Бодайбо. Поэтому, до настоящего времени, историю Золотой Лены считали не с 1846 года, как это есть на самом деле, а с 1843 г.» [7, с. 11]). К числу уже не «административных», а «геологических» аргументов, почерпнутых в архивных документах, можно отнести факты залегания золотоносного пласта в долине р. Хомолхо близко от поверхности, а также богатства хомолхинских приисков, давших примерно за сто лет эксплуатации в 100 раз больше золота, нежели прииски верховьев Олёкмы.

Имели архивные разыскания И.П. Шарапова и его коллег из группы по подсчету запасов и «прикладное» значение. Отложившиеся в архиве треста «Лензолото» материалы геологических разведок за более чем столетний период позволили не только выявить новые участки для постановки разведочных работ (причем в доступных и обжитых районах), не только установить неотработанные участки, оставшиеся от «хищнических», поверхностных разведочных и горных работ прошлого, но и, благодаря новым подсчетам запасов на считавшихся отработанными участках старых приисков, открыть богатые россыпи. Именно такой случай – старейшего на Лене прииска Спасского имел в виду И.П. Шарапова, когда упомянул в своих воспоминаниях о находке более двух тонн золота в архиве: «...добыча золота там (на прииске. – Д. М.) не велась. Дело ограничилось разведкой. Россыпь считалась бедной. Содержание золота в песках было всего лишь 2 грамма на кубометр. В то время такие россыпи разрабатывать было невыгодно и прииск «отошел в казну» (чтобы не платить налог). На балансе треста Лензолото эта россыпь не числилась, о ней просто никто не знал. Я побывал на месте, убедился в том, что россыпь не выработана и не размыва рекой, обработал материалы (не затратив ни рубля на полевую работу) и подсчитал запасы. По новым (через сто лет) экономическим и техническим условиям этот объект стал вполне промышленным» [3, с. 20].

Сделанное в архиве «открытие» заставило бодайбинское геологическое начальство серьезно отнестись к «хобби» инженера по запасам И.П. Шарапова, ночи напролет проводившего в архиве за разбором дел: «Мои архивные розыски понравились начальству» [там же]. И это «понравились» следует отнести к обоим составляющим «истории разведок» – и исторически-событийной и геологически-содержательной. Бла-

годаря первой удалось «повторить» празднование столетнего юбилея Ленских золотых приисков, не только с много большим размахом, нежели в 1943 г. (сказалось, безусловно, победоносное завершение войны), но и как более самостоятельного в историческом отношении события, не находившегося уже целиком и полностью в тени Ленского расстрела. Правда, публикации, появившиеся в преддверии и в дни торжеств (последние были приурочены к празднованию 29-й годовщины Великого Октября), предпочитали писать о 100-летию либо Бодайбинского золотопромышленного района, либо Бодайбинских приисков (включая передовую статью областной газеты и поздравление в адрес коллектива «Лензолото» от областных партийной и советской организаций), отражая спор между двумя юбилеями – 1943 и 1946 гг. [15–18]. В известном смысле точку в этом споре поставил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 декабря 1946 г. «О награждении Государственного треста “Лензолото” орденом Ленина»: как говорилось в его тексте – «за успешное выполнение заданий Правительства по добыче золота, в связи со 100-летием существования Ленских золотых приисков» [19]. (Заметим в скобках: трест стал первым орденоносным коллективом в золотой промышленности СССР.)

Следует упомянуть и факт популяризации И.П. Шараповым результатов своих архивных разысканий – в мае 1946 г. (т.е. за три года до выхода в свет книги) на страницах областной газеты «Восточно-Сибирская правда» была напечатана его статья «Недра золотой Лены». Примечательно, что публикация, предназначенная широкому кругу читателей, не ограничилась, как того можно было ожидать, изложением истории возникновения и процесса развития золотого промысла на Лене. Автор счел возможным и необходимым в последней ее части подчеркнуть роль и значение архивных материалов для практики современной геолого-разведки. Приведя в качестве примера уже известный нам «случай» прииска Спасский, он резюмировал, что именно он «...заставил бодайбинских геологов обратить серьезное внимание на архивные материалы», которые «иной раз наталкивают на новые открытия» [20]¹. Другим

---

¹Последний пассаж из статьи обратившегося к прошлому старшего инженера треста Лензолото, судя по всему, не остался незамеченным иркутскими историками. Год спустя, представлявший их сообщество (а также сообщество архивистов) на Конференции по изучению производительных сил Иркутской области Ф.А. Кудрявцев, откликаясь на требование организаторов предлагать лишь темы, соответствующие запросам «практической жизни», вынужден был заявиться с темой «Документальные фонды Иркутской области как источник изучения Восточной Сибири». Доклад, судя по его тезисам, являл собой сухой перечень наиболее значимых для практики фондов Иркутского государственного архива и отводил историку вспомогательную роль посредника, работающего для нужд науки (естествознания и техники) и хозяйственной практики путем установления постоянной связи с архивными учреждениями или организации информирования о наиболее ценных материалах, хранящихся в архивных фондах. И мысли, при этом, не допуская, что в тоге историков могут выступить специалисты в каких-либо иных областях знания, кроме исторического [21].

способом распространения результатов проведенного исследования стали публичные лекции. Из газетных сообщений нам известно об одной из таких лекций на тему «История золотой Лены», прочитанной И.П. Шараповым 18 апреля 1948 г. в аудитории Иркутского финансово-экономического института по линии общества по распространению политических и научных знаний [22], но не будет ошибкой предположить, что она была не единственной.

«Благосклонность» геологического начальства к архивным занятиям И.П. Шарапова наглядно демонстрирует опубликованная на страницах «Ленского шахтера» статья «Больше внимания маркшейдерской работе» главного маркшейдера треста «Лензолото» Н.Д. Шестакова, который не только перед геологической, но и возглавляемой им маркшейдерской службой треста ставил задачу «...продолжить начатые работы по приведению в порядок и использованию... богатейшего архивного материала, который накопила Лена за столетнюю работу». Объяснялась в статье и причина насущности поставленной задачи: «...благодаря кропотливой работе над архивными материалами (группы по подсчету запасов, руководимой И.П. Шараповым. – Д. М.) в зиму 1945-46 гг. и благодаря тому, что топографическим отрядам маркшейдерского отдела треста удалось летом 1945 г. покрыть район старых разведочных и горных работ по р. Хомолхо топографическими съемками, выявили новый объект, имеющий большие промышленные запасы, легко осваиваемый, на котором можно уже в 1947 г. начать добычные работы» [23].

Упомянув о полевых работах сотрудников вверенного ему подразделения, автор ни словом не упомянул о том, что и самому И.П. Шарапову пришлось в эти годы сочетать «камеральную» работу в архиве с выездами в поле, в ходе которых он не только познакомился практически со всеми действовавшими на тот момент приисками треста, но и побывал на месте существования значительного числа заброшенных разработок. Это позволило ему не только, по его собственному образному выражению, «отыскать следы давно минувших событий» [7, с. 4] и получить ценные сведения путем устного опроса старожилов Бодайбинского района, которые будут положены в основание тех очерков его книги, что условно определялись им как «история техники» и «история рабочего движения». Однако, прежде всего, в архиве и на приисках в документах прошлых разведочных работ он искал информацию, необходимую для подсчета запасов золота на тех участках россыпей, которые в прошлом не успели отработать или о которых впоследствии забыли (и месторасположение которых – по верхнему течению р. Хомолхо – также подсказали архивы).

О характере этой информации и основной вынашиваемой И.П. Шараповым в эти годы идее, которой он стремился увлечь коллег-геологов

по тресту «Лензолото», говорит опубликованная на страницах «Ленского шахтера» статья, скромно и в духе времени озаглавленная «Очередная задача ленских геологов» [24]. За ее лаконичными формулировками не трудно заметить, что идея эта лежала в русле уже охарактеризованной нами программы В.А. Обручева, переводя последнюю на уровень методологических и методических ее подпрограмм. Для правильного решения вопроса об извлечении золота в районах старых разведочных и горных работ, по мнению маститого ученого, необходимо было, напомним, организовать на приисках систематическое опробование отвалов для выяснения содержания в них золота, используя различные приемы в зависимости от имеющихся данных о составе золотоносного пласта и его вероятном происхождении. Полагая зернистость россыпного золота первичным и важнейшим свойством этого полезного ископаемого, И.П. Шарапов считал, что его изучение позволит «более глубоко проникнуть в загадку строения даже самой капризной россыпи». И исследователь начал такое изучение с опорой на архивные материалы треста и приисков, содержавшие «результаты ситового анализа золота за ряд давно прошедших лет», настаивая на необходимости его продолжения и широкого распространения силами геологов треста, не просто восстановив ситовой анализ в его правах, но осуществляя его на систематической основе, по специальной программе, как имеющий важное практическое значение, поскольку «разумная постановка отработки россыпей и разумная разведка неизбежно сталкиваются с изучением крупности золота» [24].

Изучение архивных материалов под указанным углом зрения позволило исследователю прийти к ряду важных выводов, носящих характер закономерностей, на чем он специально настаивал в своей статье. К числу имеющих непосредственное отношение к обсуждаемой нами проблеме оценки / подсчетов запасов (а не поиску и разведке россыпей) отнесем лишь его утверждения о том, что крупность золота закономерно связана со средним содержанием металла в россыпи и его пробностью (химической чистотой), а также «закономерно влияет на поправочный и промывочный коэффициенты, знание которых важно не только для геологов, но и для лиц, планирующих золотодобычу» [там же]. Мишенью для критики И.П. Шарапова в статье стала практика подсчета среднего содержания золота, при которой в него не полностью включались крупные золотишки и самородки, а самое мелкое золото, терявшееся при промывке, и вовсе не включалось в показатель. Свою негативную роль играли и поправочные коэффициенты, занижавшие показатель содержания золота против его реальных значений. («План добычи золота составлялся с перестраховкой. Это облегчало хищничество. Выхватывались лишь самые богатые участки. С месторождения снимались «сливки»» [3, с. 21].) Методика подсчета запасов, построенная на изуче-

нии крупности золота, призвана была устранить недостатки действующей, избежать негативных последствий использования «ненормальных коэффициентов». Со временем, в расчеты, по мнению И.П. Шарапова должны были быть внедрены приемы математической статистики, обрабатывать которые надлежало в экспериментальном порядке на двух-трех объектах треста [24].

Можно предположить, что, если не методика в целом, то ее элементы присутствуют в подготовленном И.П. Шараповым геологическом отчете «Золотые россыпи верховьев реки Хомолхо. Промышленная характеристика россыпей и подсчет запасов на 01.03.1946 г.», который под номером 424348/1946 и по сей день значится в Полном списке геологических отчетов Росгеолфонда [25], но который сам автор предпочитал называть «отчетом об исследовании» и подсчетом запасов, впервые подготовленным «по документам столетней давности». Пока эксперты Государственной комиссии по запасам проверяли отчет и шло его утверждение Министерством геологии СССР, находившийся в командировке в Москве И.П. Шарапов успешно сдал кандидатские экзамены, написал и представил в совет Московского геологоразведочного института им. С. Орджоникидзе к защите диссертацию на тему «Новые пути в разведке и оценке золотых россыпей» [26]. В работе методика, схематично набросанная в газетной статье 1945 г., обрела уже завершённую форму, тем более, что факт утверждения ГКЗ подсчетов запасов россыпи верховьев р. Хомолхо являлся признанием примененного при этом метода. Сам исследователь скромно оценил результаты своего труда – как получение ответа на один, хотя и важный для геологии вопрос: «как при разведке и оценке россыпей надо учитывать крупность и пробность (т.е. чистоту) шлихового золота?» [3, с. 20].

Так что на исходе зимы 1946-1947 г. в Бодайбо вернулся из командировки уже кандидат геолого-минералогических наук. Неординарный по меркам областной науки факт присуждения ученой степени старшему инженеру по запасам треста Лензолото ученым советом столичного вуза поспешили отметить небольшими заметками с одинаковым названием «Научная работа о золоте» и содержанием как областная, так и районная газеты [27]. Впрочем, чествования «героя», защитившего не только отчет по запасам, но и кандидатскую диссертацию, продолжались недолго: уже в начале лета 1947 г. И.П. Шарапов стал жертвой мощного административно-идеологического давления, превратившего его в изгоя и в трудовом коллективе, и в городе. Не помог и научный статус, более того, именно научные занятия и их практические результаты стали поводом, спусковым крючком развязанной против него кампании.

Началось все, судя по всему, с опубликованной на страницах изданного трестом производственно-технического сборника «Новая Лена»

статьи И.П. Шарапова «Значение самородков для разведки золотых россыпей» [28]¹, в которой автор продолжал знакомить читателей с теоретическими и практическими выводами, к которым пришел на основании изучения как обнаруженных в архиве, так и проведенных уже в новое время результатов ситового и химического анализа золота (здесь впервые были озвучены цифры – 4 тыс. и 7 тыс. анализов соответственно). Эта статья и обнародованные в ней результаты была подвергнута критике группой геологов треста, не скрывавших своих имен, но давших статье название – «Против вульгаризации и безыдейности в изучении Ленских золотых россыпей», не оставляющего сомнений в ее политической и идеологической ангажированности. С опорой на пресловутое Постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» они отказывали И.П. Шарапову в научности его построений: «Статья Шарапова И.П. представляет теоретизирование без точных фактов, искусственно конструирует логические связи без анализа фактов, ведет к голым и вредным схемам, легкомысленна по форме изложения, а практическое значение ее весьма сомнительно. Тов. Шарапов искусственно конструирует логические связи и с этими негодными средствами пытается упорядочить хаос в изучении гранулометрического состава золотых россыпей» [29].

Думается, что И.П. Шарапов был не так уж неправ, когда полагал, что не только и не столько неприятие использования математической статистики, занимающейся установлением закономерностей, которым подчинены массовые случайные явления, на основе обработки статистических данных, полученных в результате геологических наблюдений, стояло за критикой коллег по геологическому цеху. (Шарапов, заметим, стал автором первого отечественного практического руководства по применению математической статистики в геологии [30], на страницах которого сошлется и на вышеупомянутую статью 1947 г.) За начавшимся давлением, которое, в конечном итоге, переросло, по его словам, в бойкот, он справедливо усматривал стремление как руководства треста, так и рядовых геологов не допустить выработки научно обоснованных расчетов содержания золота при определении его запасов, пересмотра ведомственных инструкций по их подсчету, что несло угрозу благополучию и тех и других [3, с. 21-22].

Как бы то ни было, административно-идеологическое давление вынудило И.П. Шарапова покинуть трест «Лензолото» и Бодайбо, перебравшись в начале осени 1947 г. в Иркутск, где он стал преподавателем кафедры минералогии Иркутского горно-металлургического института.

---

¹Нам не удалось обнаружить данного сборника в публичных библиотеках Иркутская и Москвы, поэтому представление о содержании статьи И.П. Шарапова получено исключительно из критического ее разбора на страницах газеты «Ленский шахтер».

Непродолжительное пребывание в областном центре (составившее меньше года – к началу следующего учебного года он перейдет по курсу в Северо-Кавказский горно-металлургический институт) будет использовано И.П. Шараповым для завершения работы над книгой очерков по истории Ленских золотых приисков. Несоответствие профиля кафедры, предоставившей приют исследователю, его специальности и предмету научных интересов, давало возможность использовать свободное от учебных занятий время для обработки собранных на Лене архивных материалов. Благодаря же возможности работы в областном архиве и библиотеках города, в ней не просто появится новая сюжетная линия, которую сам автор во введении определил как «историю рабочего движения», но и вся работа перерастет рамки скромной брошюры, претендуя уже на статус полноценной книги.

Основанные исключительно на материалах областного государственного архива (именуемого автором по старинке Иркутским историческим), а также опубликованных источников, главы – «Происхождение и состав рабочего коллектива Лены», «Величина рабочего дня, заработка рабочих и барыши хозяев», «Как питались ленские шахтеры», «Санитарные условия жизни рабочих», «Быт и нравы дореволюционной Лены», «Побеги с приисков» (вместе с посвященными собственно рабочему движению), не просто заняли больше половины объема работы, но и по своему содержанию вправе были претендовать на попытку написания «социальной истории» Ленских золотых приисков, выгодно отличаясь от пропагандистских брошюр местных историков тех лет, сосредоточившихся исключительно на революционной активности ленского пролетариата.

Впрочем, современное прочтение книги И.П. Шарапова обнаруживает в ней наряду с упомянутыми проблемными областями – историей разведок, историей техники, социальной историей приисков и историей рабочего движения, еще одну – историю бизнеса. Главы с шестой по восьмую («Первые компании по эксплуатации россыпей», «История Ленского золотопромышленного товарищества», «Мелкие золотопромышленники») на основании материалов ленских архивов рисуют картину организации, хозяйственной и коммерческой деятельности отдельных золотопромышленников и бизнес-структур, их слияний и поглощений, взлетов и падений, концентрации и централизации капиталов в отрасли и т.д., ничего подобного которой современная историческая наука не создала и по сей день. На формы организации бизнеса решающее влияние, считал ученый, оказали «природные» (геологические) факторы – глубина залегания россыпей, их водоносность и величина содержания золота в песках, породив в одних случаях (территориях) крупные капиталистические предприятия в форме акционерных обществ, в других – мелкие семейные предприятия или партнерства.

По всей видимости, уже в ходе редакторской подготовки рукописи, в том числе и для того, чтобы несколько выправить архитектуру книги, несколько сместившуюся в сторону обсуждения «рабочего вопроса», в заключении к работе автор вновь обращается к материалу четвертой главы – «Развитие горного дела на Лене», посвященной проблематике «истории техники на Лене». Теперь уже не в форме описания, а простого перечисления внушительного перечня «изобретений, открытий, нововведений и усовершенствований русских инженеров и рабочих» в деле развития горной техники, в чем нетрудно увидеть дань разворачивавшейся «патриотической кампании», с ее поисками русских приоритетов в науке и технике, но в данном конкретном случае, опиравшимися на документальные архивные свидетельства.

И.П. Шарапов определял свою книгу как «первый опыт систематического, хотя и неполного, изложения истории Ленских золотых приисков» [7, с. 197], хотя вряд ли бы согласился с бытующей в местной исторической науке и по сей день ее оценкой как носящей преимущественно описательный, т.е. не совсем научный характер (см. напр.: [31, с. 13]). Как представитель естественнонаучного знания он полагал, что излагаемый в книге эмпирический материал подвергся в работе обобщениям, большая часть которых носила характер утверждения (путем экспертизы и / или представления объективных доказательств) важнейших исторических фактов (он их называл фактическими обобщениями). Меньшая же их (научных обобщений) часть носила характер историко-социологических, или аналитических, заключений. Последние имели во многом условный, предположительный характер, т.к. сделаны были на основании сравнительно ограниченного материала. Впрочем, историко-социологические выводы, к которым пришел в своем исследовании (вроде уже упоминавшегося выше вывода о зависимости форм организации бизнеса от природных = геологических факторов, тесной связи с природными свойствами россыпей процессов концентрации и централизации капитала в золотопромышленности, соответствия вольнонаемных трудовых отношений производственным процессам в золотодобыче, и обнимающего все перечисленные – вывода о существовании серьезных отличий в развитии капитализма в данной отрасли и в районах ее присутствия), в любом случае выгодно отличались от слепого следования схемам развития капитализма ортодоксального марксизма местной исторической наукой тех лет.

Книга И.П. Шарапова «Очерки по истории Ленских золотых приисков» увидела свет уже после того как ее автор покинул Иркутск. Местная историческая наука привычно проигнорировала факт появления «истории от неисторика» или в силу различия культур, или в силу того, что ни создать что-либо подобное, ни оценить сделанное другими, она попросту не могла.

Список использованной литературы и источников

1. Майдачевский Д. Я. Вадим Николаевич Шерстобоев: «бои за историю» не местного значения, 1950-е гг. / Д. Я. Майдачевский // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2022. – Иркутск : Изд. дом БГУ, 2022. – С. 5-39.
2. Вавилов С. И. Вступительное слово / С. И. Вавилов // Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки. 5–11 января 1949 г. –Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1949. – С. 9–14.
3. Шарапов И.П. Одна из тайн КГБ : (К истории инакомыслия в Сов. России) : [воспоминания] / И.П. Шарапов. – Москва : Б. и., 1990. – 116 с. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=4678>
4. Лебедев Г. В. К 100-летию со дня рождения И.П. Шарапова / Г. В. Лебедев // Вестник Пермского университета. Геология. – 2007. – Вып. 4 (9). – С. 173–174.
5. Мунгалов Н. Н. Заложник недюжинного таланта / Н. Н. Мунгалов // С землей Бодайбинской связанные судьбы : [в 2 кн.] / редколл. : Л. М. Щукина, Е. Г. Жукович. – Иркутск : Сибиряк, 2015. – Кн. 1. – С. 70–71.
6. Яцунский В. К. Изучение местной истории в СССР (Обзор по РСФСР, УССР и БССР за послевоенные годы) / В. К. Яцунский // Вопросы истории. – 1949. – № 8. – С. 74–112.
7. Шарапов И. П. Очерки по истории Ленских золотых приисков / И. П. Шарапов. – [Иркутск] : Иркут. обл. гос. изд-во, 1949. – 206 с.
8. Переписка В. А. Обручева // Обручев В.А. Избранные труды : [в 6 т / редкол.: акад. Д.И. Щербаков..., чл.-кор. Акад. наук СССР С.В. Обручев (отв. ред.)]. – Москва : Наука, 1964. – Т. 6. – С. 229–288.
9. Обручев В. А. Запасы золота в отвалах приисков и возможность их извлечения / В. А. Обручев // Известия АН СССР. Сер. Геологическая. – 1942. – № 3. – С. 48–56.
10. Обручев В. А. Вероятные запасы золота в россыпях и отвалах приисков / В. А. Обручев // Природа. – 1943. – № 4. – С. 51–58.
11. Уральский Т. Русская жемчужина / Т. Уральский // Восточно-Сибирская правда. – 1943. – 3 апр.
12. Знаменательная дата [передовая] // Восточно-Сибирская правда. – 1943. – 17 апр.
13. Знаменательные даты [передовая] // Ленский шахтер. – 1943. – 17 апр.
14. Извещение // Восточно-Сибирская правда. – 1943. – 16 апр.
15. Вершинин Г. Бодайбинским приискам – сто лет / Г. Вершинин // Восточно-Сибирская правда. – 1946. – 5 окт.
16. Бодайбинским приискам – 100 лет [передовая] // Восточно-Сибирская правда. – 1946. – 5 нояб.
17. Ефимов А. Знаменательный юбилей / А. Ефимов // Восточно-Сибирская правда. – 1946. – 5 нояб.
18. Чугуев Ю. В борьбе за план / Ю. Чугуев // Восточно-Сибирская правда. – 1946. – 5 нояб.
19. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении Государственного треста “Лензолото” орденом Ленина» // Восточно-Сибирская правда. – 1946. – 18 дек.

20. Шарапов И. П. Недра золотой Лены / И. П. Шарапов / Восточно-Сибирская правда. – 1946. – 3 авг.

21. Кудрявцев Ф. А. Документальные фонды Иркутской области как источник изучения Восточной Сибири / Ф. А. Кудрявцев // Конференция по изучению производительных сил Иркутской области, 4–11 авг. 1947 г. : тез. докл. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1947. – С. 338.

22. Извещение // Восточно-Сибирская правда. – 1948. – 16 апр.

23. Шестаков Н. Д. Больше внимания маркшейдерской работе / Н. Д. Шестаков // Ленский шахтер. – 1946. – 19 мая.

24. Шарапов И. П. Очередная задача ленских геологов / И. П. Шарапов // Ленский шахтер. – 1945. – 18 июля.

25. Полный список геологических отчетов (Росгеолфонд) // Государственный геологический музей им. В.И. Вернадского РАН : сайт. – URL: http://reports.geologyscience.ru/reports_full_list.php?npage=14828.

26. Шарапов И. П. Новые пути в разведке и оценке золотых россыпей : дисс. ... канд. геол.-минерал. наук : 04.00.00 / И. П. Шарапов. – Москва ; Бодайбо, 1946. – 258 с.

27. Научная работа о золоте // Восточно-Сибирская правда. – 1947. – 23 марта; Ленский шахтер. – 1947. – 2 апр.

28. Шарапов И. П. Значение самородков для разведки золотых россыпей / И. П. Шарапов // Новая Лена (Бодайбо). – 1947. – № 1-2. – С. 22-28.

29. Алексеев И. А. Против вульгаризации и безыдейности в изучении Ленских золотых россыпей / И. А. Алексеев, Р. А. Добрянский, Н. К. Лазаренко, В. Н. Успенский // Ленский шахтер. – 1947. – 3 июня.

30. Шарапов И. П. Применение математической статистики в геологии : (Стат. анализ геол. данных) / И. П. Шарапов. – Москва : Недра, 1965. – 260 с.

31. Хроленок С. Ф. Золотопромышленность Сибири (1832-1917) : ист.-экон. очерк / С. Ф. Хроленок. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 307, [1] с.

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович – кандидат экономических наук, доцент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: MaidachevskyDY@bgu.ru.

Author

Dmitry Ya. Maidachevsky – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of International Relations and Customs, Baikal State University, 664003, Irkutsk, 11 Lenin st., e-mail: MaidachevskyDY@bgu.ru.